

ОТЧЕТ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛНОГО ПЕРЕХОДА НА ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

МАЙ 2025

ОСНОВНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ: JESSICA KAVINSKY
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С:

EUA

Erinevused ühendavad!

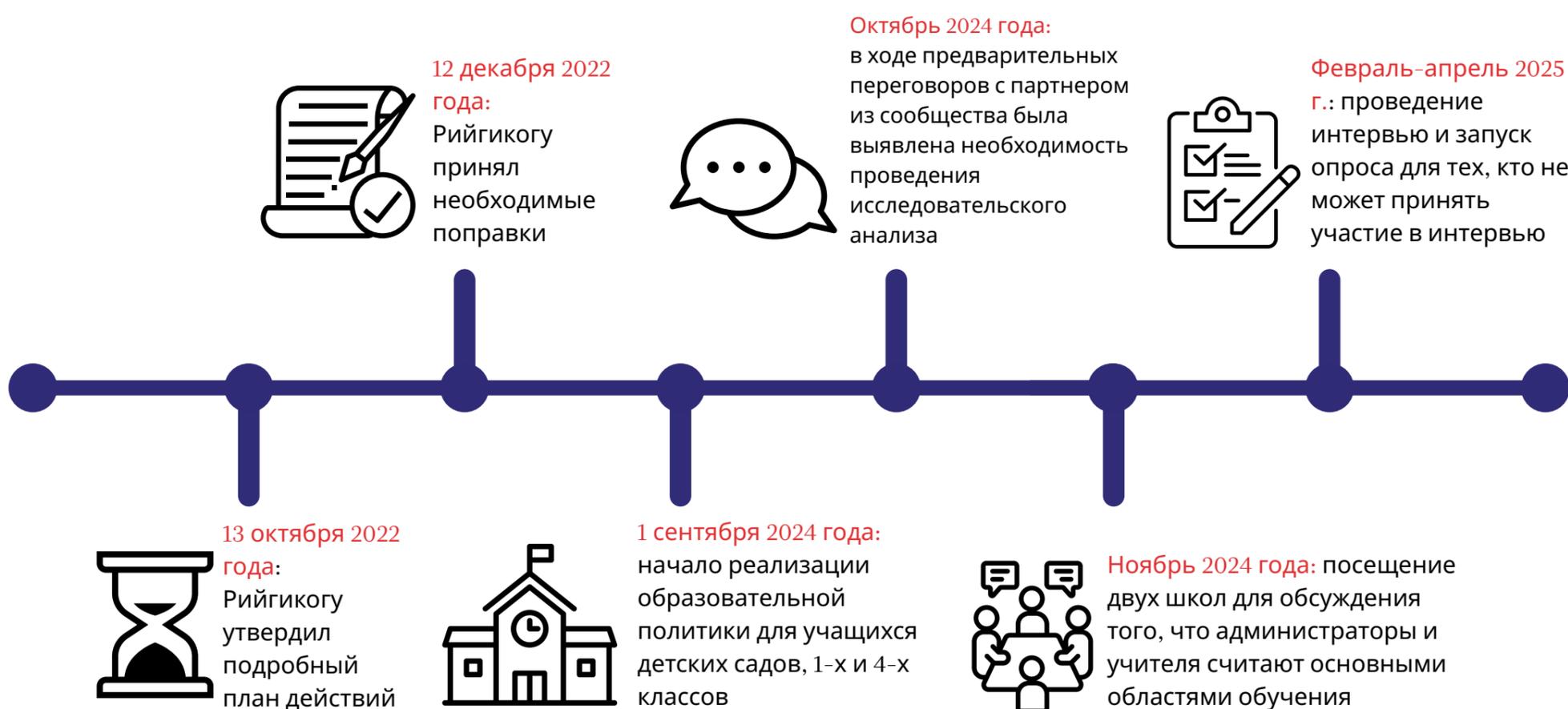

**American
Friends
Service
Committee**

Справочная информация

В сентябре 2024 года, во время работы в качестве стипендиата по миростроительству в рамках Американского комитета друзей и в партнерстве с «Erinevused ühendavad!», один из партнеров сообщества обратил внимание на проблемы, связанные с новой политикой в области образования. В ходе своей работы **они** заметили, что эта политика может повлиять на благополучие и уровень стресса учителей и администраторов. Они выразили обеспокоенность по поводу возможного усиления социального разобщения и роста напряженности в школах и сообществах. В ответ на это было инициировано исследование с целью выявления ранних последствий с использованием методов, основанных на нарративе. Оно было проведено в основном посредством неформальных и формальных диалогов с лицами, непосредственно затронутыми данной проблемой. Эти беседы помогли выявить реальный жизненный опыт и дали возможность более глубоко понять первоначальные результаты политики.

Хронология исследований

1 сентября 2024 года в Эстонии вступила в силу новая языковая политика. Принятая Рийгикогу (парламентом Эстонии), эта политика гласит, что все уроки в школах должны проводиться только на эстонском языке. Начиная с детского сада, 1-го и 4-го классов, каждый год новые классы будут переходить на эстоноязычное обучение к 2030 году (Министерство образования и науки Эстонии, без даты). К учителям и преподавателям предъявляются новые требования к уровню владения языком: все, кто преподает 5 и более лет, должны относительно свободно владеть эстонским языком (около 2245 учителей не соответствуют этому требованию). Политика предусматривает дополнительные ограничения на то, когда и как долго можно вести обучение на иностранном языке (Eurydice, 2022). Новая политика была охарактеризована как потенциально противоречащая регламентам ЕС, а официальные лица ООН назвали ее возможным нарушением прав человека (OUNHCHR, 2023).

ВВЕДЕНИЕ

Понимание контекста

В контексте данного исследования напряженность, связанная с разработкой образовательной программы, была прослежена до перехода от советской системы к западной модели. Во время оккупации советские власти предпринимали активные усилия по уничтожению эстонского языка и культуры. Травма, пережитая эстонским населением в этот период, продолжает влиять на современные социальные структуры и сообщества, вызывая скрытые противоречия между различными языковыми сообществами. В Эстонии по-прежнему есть районы, где преобладает русскоязычное население, и некоторые люди редко вступают в контакт с эстоноговорящим населением, и наоборот.

В настоящее время демографическая ситуация в Эстонии по-прежнему отражает этот период перемещения населения. В период с 1945 по 1989 год число неэтнических эстонцев, в основном русскоязычных, увеличилось в 4,5 раза, а их доля в общей численности населения выросла с 8,5 % до 38,5 % (Krull, 2007). Этот период перемещений был геостратегической попыткой колонизировать Эстонию (Kirch, 2004). В результате в школах, созданных в советскую эпоху, где преподавались русский язык, история и культура, училось больше русских учеников. После распада СССР система образования оказалась явно раздробленной, что подчеркнуло острую необходимость реформы.

В период перехода в Эстонии в 1990-х годах правительство взяло курс в направлении демократизации и рыночной экономики (Helemäe, 2011). Последующие годы переходного периода были отмечены экономической, политической и социальной нестабильностью, поскольку эстонское общество работало над установлением независимого правления. Реформа образования не началась сразу, и школы оставались разделенными между русскоязычными и эстоноязычными сообществами до 1996 года (Oja, 2017). Даже после официальной интеграции школ не все школы приняли изменения в языке и учебной программе. Это привело к тому, что многие школы работали с совершенно разными образовательными и языковыми структурами. Некоторые сохранили более традиционные методы обучения, напоминая советскую эпоху, в то время как другие отошли от «традиционных» методов образования, исследуя различные формы педагогики.

Напряженность вокруг того, как преподавались язык и история, часто приводила к застою в реформе образования. Многие русскоязычные учителя и школы неохотно принимали социальные и политические изменения. Некоторые критиковали то, как преподается русская история, в то время как эстонские учителя выступали против преподавания русской истории и языка и настаивали на приоритетности эстонской культуры и языка (Oja, 2017). Язык стал «одной из основных задач в построении... эстонской идентичности» (Lenin Kumar, 2016). Различия в приоритетах и нежелание идти на уступки привели к длительному и затяжному процессу реформирования учебных программ и образования. Кроме того, из-за исторической травмы и страха перед возвращением советского гнета две языковые общины практически не общались друг с другом (Kaarlõp, 2022, стр. 4).

Эстонская школа, 1947 год (НВС, 2016)

С течением времени и постепенным внедрением реформ в системе образования начали появляться заметные изменения в плане учебных программ и языка обучения. Тем не менее, анализ эстонской системы образования в 2007 году показал, что «школы зачастую не были должным образом подготовлены к выполнению ее требований», что привело к неравенству в доступных ресурсах между различными школами (Krull, 2006).

В настоящее время учебная программа подчеркивает важность многостороннего подхода, но различия по-прежнему существуют в школах, где основным языком обучения является эстонский и русский (Kaarlõp, 2022). Несмотря на стандартизацию системы обучения, различия в школах, ресурсах и методах обучения сохраняются. Исторический контекст периода перехода в 2000-х годах иллюстрирует важность обеспечения всех участников процесса достаточными ресурсами и обучением. В отчете Крулла содержится предупреждение о том, что в будущем при принятии решений в сфере образования следует уделять приоритетное внимание поиску баланса между политическим правом каждого на участие в процессе принятия решений (Krull, 2006). С вступлением в силу новой языковой политики в сфере образования понимание исторических и культурных последствий социального разделения приобретает жизненно важное значение. В данном исследовании было уделено особое внимание пониманию исторического контекста угнетательной истории Эстонии. Понимание текущих событий и растущего риска, который нынешний российский режим представляет для Эстонии, эстонского языка и культуры, во многом определило анализ.

На основе первоначальных бесед с надежными партнерами из сообщества в ходе исследования было установлено, что новая политика в области образования начинает вызывать напряженность в школах и сообществах, а также способствует снижению уровня образования учащихся 1-4 классов. Проблема стандартизации ресурсов и коммуникации между школами по-прежнему остается актуальной в современных образовательных стандартах. Опять же, несмотря на формальное унифицирование языка, в системе существуют пробелы, которые могут привести к будущим препятствиям и напряженности. Это исследование было направлено на выявление некоторых возникающих проблем посредством диалога с учителями, администраторами и родителями.

Языковой и социальный контексты

Учет социального воздействия языковой политики имеет жизненно важное значение для обеспечения социальной сплоченности. Политика правительства, хотя и может казаться оторванной от повседневной жизни населения, является одновременно продуктом и фактором влияния более широкой социальной среды (Liddicoat, 2013).

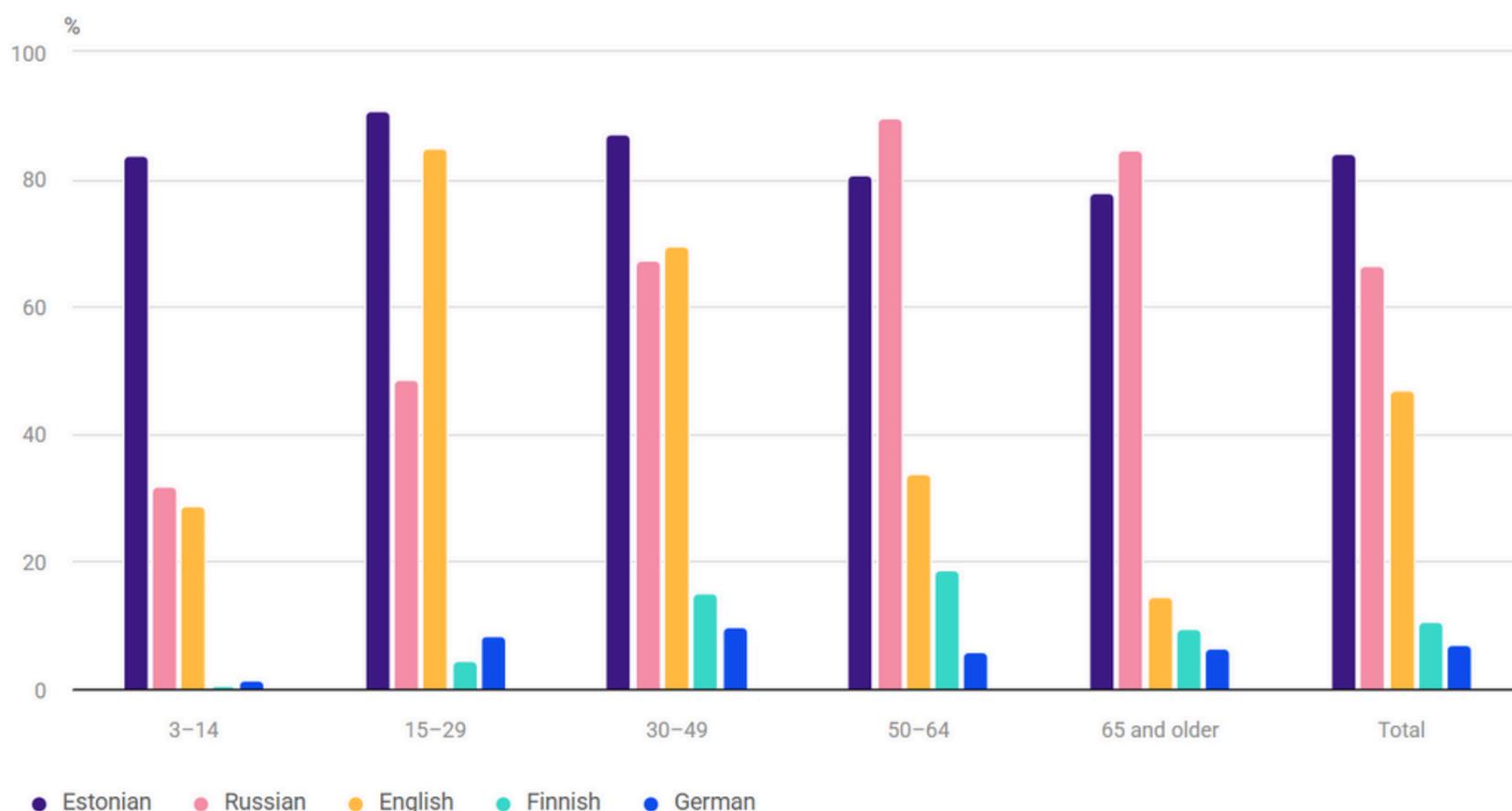
Подход к политике в отношении языков меньшинств может повлиять на правительство, сообщества и социальную сплоченность, потенциально усугубляя или улучшая разделение. По словам ученого-лингвиста Хельдера Де Шуттера, «в отличие от дискуссии о религии и светскости в правительстве, где есть вариант «без религии», не может быть варианта «без языка». Правительства должны принять политику, определяющую роль языка в повседневной жизни нации» (стр. 10, 2007).

Таким образом, при принятии политических решений политики должны учитывать широкий спектр теорий и возможных последствий.

В данном исследовании язык рассматривается не только как средство коммуникации, но и как ключевой элемент идентичности и социальной принадлежности (De Schutter, 2007). Понимание того, что человек может иметь несколько языковых идентичностей, лежит в основе данного исследования. Признание этой реальности и ее связи с восприятием государственной политики является важным контекстуальным моментом.

Многие интервью были эмоционально насыщенными, с частыми проявлениями страха и разочарования. Респонденты часто отмечали, что политика, по их мнению, касалась не столько самого языка, сколько отношения общества к людям, не владеющим эстонским языком в должной мере. Это показывает взаимосвязь языка как средства коммуникации и идентичности, подчеркивая важность языковой справедливости и инклюзивного подхода к разработке политики (Kaplan 1991; Sayers 1996).

Share of language speakers in age groups, 2021

(Statistics Estonia, 2022)

- **Эстонский язык является наиболее распространенным языком среди населения в целом.**
- За ним следуют русский, английский, финский и немецкий языки, но русский язык остается самым распространенным иностранным языком.
- Около 84% молодых людей (14-29 лет) говорят на английском языке как на втором языке. Это изменение по сравнению с предыдущими поколениями, которые в основном говорили на русском языке как на втором языке (перепись населения).
- Только около 4% населения не говорят на эстонском языке (ERR News, 2023).
- 76% эстонцев говорят на иностранных языках (Taylor, 2022).
- В Эстонии проживает около 211 этнических национальностей (Статистическое управление Эстонии, 2021).

Методы и выборка

Ключевые темы

1. Чувство поддержки или ее отсутствие и коммуникация с правительством
2. Влияние на способность преподавать и на обучение учеников
3. Чувство включенности/исключенности
4. Рекомендации по улучшению

Две ключевые методологические рамки легли в основу данного исследования

- Модель партисипативного действия (Fahlberg, 2023; Whyte, 1989)
 - Делает акцент на следовании процессу формирования дизайна, приглашая заинтересованных участников к совместной разработке подхода, вопросов и процесса (MacDonald, 2012). На ранних этапах предварительной полевой работы были учтены предложения по построению опроса.
- Модель оценки социального воздействия (Finsterbusch, 1984).
 - Эта модель, ориентированная в большей степени на воздействие политики, предполагает, что исследователи должны учитывать нематериальные факторы воздействия, или факторы, не связанные со строительством. Они определяются как изменения в сообществе или социальной сфере, которые нелегко отследить.
- При опросе о рекомендациях по изменениям использовался подход позитивного исследования (Центр позитивного исследования, без даты).
 - Вопросы были сосредоточены на том, «что работает», и на позитивных видениях будущего.

Выводы, полученные с помощью этих подходов, были объединены, чтобы выделить факторы, имеющие значение для политиков, с учетом опыта опрошенных. С помощью основных методов и рецензируемого анализа политики исследование было направлено на выявление областей, требующих корректировки, и определение общих проблем.

В целом 26 ПЕРСПЕКТИВ

Дополнительные интервью с экспертами в области образования, родителями и государственными чиновниками также были использованы при проведении анализа.

Методы опроса

Чтобы лучше понять нематериальное воздействие, в рамках исследования были опрошены учителя и администраторы, работающие в различных затронутых школах Таллинна и Нарвы. Школы были выбраны по критерию того, что до введения языковой политики они не работали в рамках полностью эстоноязычной системы образования. В ходе исследования были посещены частные, работающие по системе языкового погружения, традиционные и государственные школы в Таллинне и Нарве, и основное внимание было уделено проведению параллелей между различными школами с целью выявления общих черт.

Респонденты были отобраны с помощью метода целенаправленной выборки; при принятии решения о том, кого пригласить на интервью, учитывались опыт респондентов и их способность дать подробные ответы. Из-за ограниченного доступа к услугам переводчиков были опрошены учителя и администраторы, которые либо говорили по-английски, либо имели доступ к переводчикам. Кроме того, стресс и увеличение рабочей нагрузки учителей в связи с новой политикой привели к тому, что многие люди не могли участвовать в полноценных интервью. Для тех, кто не мог уделить время, был разработан опросник, высланный с переводом на эстонский, английский и русский.

Из-за опасений по поводу нестабильности работы все интервью и опросы проводились анонимно.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

На следующих страницах подробно изложены результаты данного исследования в виде трех ключевых выводов. На каждой странице представлены результаты с подтверждающими данными и описаниями, взятыми из интервью и опросов.

Резюме

- Основными негативными последствиями этой политики стали усиление опасений по поводу ухудшения психического здоровья учащихся, выгорание преподавательского состава и рост страхов по поводу нестабильности рабочих мест.
- Многие учителя чувствуют, что к ним не прислушиваются, и не считают, что правительство готово к открытому диалогу по этому вопросу.
- При этом почти все опрошенные учителя и администраторы продемонстрировали неизменную поддержку изучения эстонского языка учащимися
- Были высказаны предложения по корректировке политики с целью облегчения нагрузки на преподавательский состав, а также была выражена широкая поддержка организации дней открытых дверей и программ обмена между школами

В связи с особенностями эстонской системы образования и разнообразием типов школ, влияние этой политики было неодинаковым. Интервью показали, что каждая школа располагает совершенно разными ресурсами. Неоднородность воздействия в значительной степени объясняется тем, что стандартизированная политика применяется к нестандартизированной системе образования. Поскольку школы обладают относительной автономией, некоторые из них уже имели структуры, в которых преобладало обучение на эстонском языке. Другие уже располагали ресурсами и планом перехода, а третьи практически не имели ни ресурсов, ни подготовки. Однако даже несмотря на эти заметные различия между школами, некоторые подходы были чрезвычайно распространены.

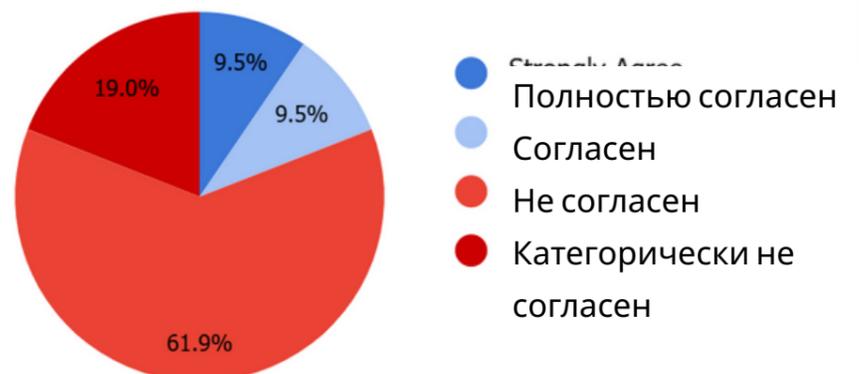
Ключевые выводы (продолжение)

1

Существует нехватка ресурсов и квалифицированных учителей, что приводит к выгоранию и стрессу.

- Учителя сообщили, что тратят значительное время на адаптацию учебных материалов, посещение обязательных занятий для сохранения своих должностей и помощь своим собственным детям в адаптации к новой политике.
- Многие материалы устарели или предназначены только для учащихся, для которых эстонский язык является родным. Некоторые материалы предназначены для взрослых, а не для детей.
- Все школы сообщили, что учителя, преподающие в детском саду, 1-м и 4-м классах, вынуждены тратить дополнительное время на создание собственных учебных материалов.
- Многие школы заявили, что министерство обещало им лучшие учебные материалы, но они до сих пор их не получили. У большинства учеников снизилась мотивация, и их психическое здоровье начало страдать, как и здоровье учителей.

У меня есть достаточная поддержка и ресурсы для реализации новой политики.

«Никто не заботится о положении детей с особыми потребностями. Дети... находятся в сложной ситуации, их родители не могут им помочь из-за недостаточного знания эстонского языка», – учитель детей с особыми потребностями.

«Самая большая трудность – это ухудшение психического и физического здоровья, огромная рабочая нагрузка, поздние вечера дома и ранние утра, и все это повторяется снова и снова», – учитель.

«Многие ученики происходят из семей с низким доходом или из неполных семей и не имеют возможности уделять больше времени учебе», – директор школы.

Ключевые выводы (продолжение)

2

Большинство согласны с тем, что изучение эстонского языка важно, но способ реализации этой политики противоречит общепринятым методам изучения языка.

- Они считают, что эта политика не учитывает научные подходы к изучению языка.
- Большинство респондентов выразили недоумение, поскольку эта политика противоречит результатам педагогических исследований и принципам педагогики.
- Основное внимание следует уделять младшим классам, а не 4-му классу, и предусмотреть более длительный переходный период, поскольку изучение и освоение нового языка требует времени.

Новая языковая политика благоприятно скажется на будущем студентов.

«Культуру нельзя насаждать силой... Такой результат дает предоставление возможностей, а не установка ограничений. В интеграции русскоязычных должны быть заинтересованы не только школы и Министерство образования, но и все. Без поддержки народа ничего не получится», – учитель средней школы.

«Министерство, похоже, не заботится о культуре и понимании родного языка и, судя по всему, не осознает, что язык имеет большое значение для общества», – директор школы.

«Эта политика “забывает о том, что у нас уже есть”, и не задается вопросом, что приносят с собой учащиеся. Это создает проблемы с социальной идентичностью и не учитывает, что это значит для учащихся. Они действительно чувствуют, что стремятся вписаться в общество, но никому не интересно и никому не важно, кто они такие», – помощник преподавателя.

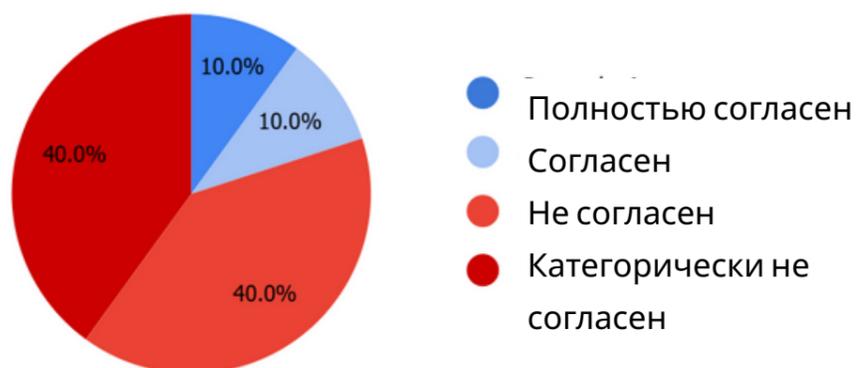
Ключевые выводы (продолжение)

3

В нынешней системе нет стабильности, а контроль и давление со стороны министерства создали условия, в которых они не могут публично выражать свои опасения.

- Педагоги вынуждены адаптироваться и меняться, и у них нет времени, чтобы реально работать с тем, что им дают.
- Постоянный контроль со стороны министерства вызывает у них стресс, поскольку им только указывают на их ошибки, но не предоставляют адекватной поддержки для улучшения ситуации.
- Угроза потери работы, а также обострение напряженности в сообществах вызывают у многих учителей страх и неуверенность.

Я могу открыто выразить свои опасения и потребности окружающим.

«В ходе некоторых обсуждений было высказано ожидание, что если переход не удастся или возникнут проблемы, ответственность за это полностью ляжет на администратора и педагогов, а не на саму политику», – директор школы.

«Эта политика выглядит как наказание, несмотря на то, что было достигнуто полное согласие об изучении языка», – учитель английского языка.

«К сожалению, у меня нет возможности открыто выразить свое недовольство даже на уровне школы. Я боюсь быть уволенным. Все соглашения, которые мы получили от учителей в школе, можно назвать принудительными, поскольку выбора не было. «Вы должны подписать, что согласны с переходом на эстонский язык, согласны с новой программой». Я был вынужден подписать, хотя не полностью согласен с этим», – учитель средней школы.

Ключевые выводы (продолжение)

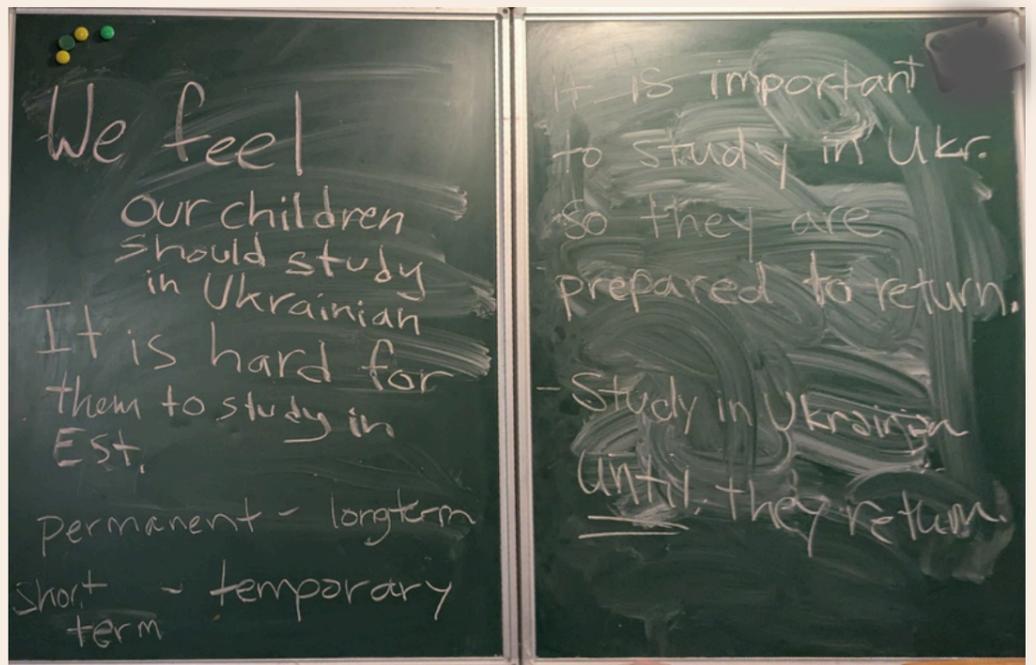
На следующей странице приводится описательный отчет о влиянии на учащихся-иммигрантов и беженцев.

Инсайт: Беседы с родителями-иммигрантами и беженцами

Эстония в основном проводила ограничительную политику в отношении иммиграции, однако в последние годы она стала более либеральной (Jakobson, 2020). После полномасштабного вторжения в Украину Эстония приняла увеличенное количество беженцев, преимущественно из Украины (Tambur, 2022). Было проведено несколько ключевых бесед с родителями, которые являются иммигрантами или беженцами.

В ходе этих бесед многие из них выразили мнение, что эстонская система образования может быть враждебной по отношению к иностранцам, особенно к тем, кто не владеет свободно эстонским языком. Они сообщили, что некоторые учителя и ученики проявляют предвзятое отношение к их детям или не хотят им помогать. Один из родителей заявил, что «[школы] придумывают много отговорок, но отказываются принимать учеников, которые требуют дополнительных усилий... есть так много препятствий для получения моими детьми хорошего образования, что мы часто задумываемся о том, чтобы уехать, хотя меня попросили работать здесь».

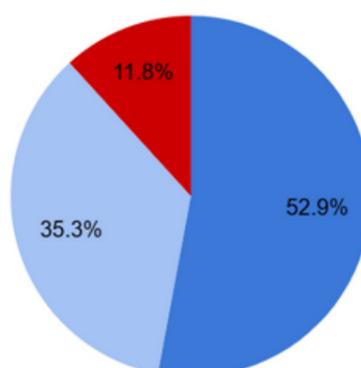
Кроме того, дети-беженцы, преимущественно из Украины, часто проводили весь день на курсах эстонского языка, а затем весь вечер на онлайн-курсах украинского языка. Поскольку многие из них хотят вернуться на родину, родители и дети вынуждены прилагать еще больше усилий, чтобы сохранить связь со своим родным языком и культурой. Они сообщили, что возможность учиться и изучать украинский язык важна для них, чтобы они могли продолжать чувствовать эту связь. Хотя они сообщили, что чувствуют поддержку во многих аспектах, напряжение от долгих часов работы и усталость от продолжающейся войны влияют на психическое здоровье как учеников, так и родителей.

Blackboard from conversation session with Ukrainian refugee parents
Text: "We feel our children should study Ukrainian", "It is hard for them to study in Est. [Estonian]", "It is important to study in Ukrainian, so they are prepared to return"

В целом, изучение эстонского языка пользуется поддержкой. Однако в связи с текущей политикой, а также нехваткой учителей и ресурсов, многие учащиеся начинают отставать. Некоторые из них не получают того уровня образования, который необходим им для достижения успеха.

Новая языковая политика негативно повлияет на успеваемость учащихся.

- Полностью согласен
- Согласен
- Не согласен
- Категорически не согласен
- согласен

Рисунок слева показывает, что многие учителя обеспокоены успеваемостью учащихся.

ОБСУЖДЕНИЕ

Беседы с администраторами и учителями показывают, что в связи с текущей политикой на школьную систему оказывается значительная нагрузка. Хотя большинство администраторов и учителей, похоже, справляются с ситуацией, эти проблемы будут только усугубляться, если политика будет продолжать меняться нынешними темпами. По мере того как все больше и больше классов переходят на полностью эстоноязычное образование, нехватка ресурсов и выгорание как учителей, так и учеников будут только усиливаться. Как и в случае с переходом в начале 2000-х годов, многие школы в настоящее время не готовы к переменам и с трудом адаптируются. Хотя есть вероятность, что в долгосрочной перспективе школы успешно приспособятся, краткосрочные последствия этого перехода, скорее всего, будут сказываться на учителях и учениках.

В нескольких ключевых интервью с администраторами было отмечено, что, хотя в настоящее время основная тяжесть таких изменений ложится преимущественно на русскоязычные школы, нагрузка на систему распространится на все школы. Администраторы сообщили, что некоторые родители начали переводить своих детей в преимущественно эстоноязычные школы, в основном из-за нехватки квалифицированных учителей и ресурсов. Это может усугубить культурные конфликты между учащимися и поставить учителей в положение, когда они пытаются учить учащихся с совершенно разным уровнем владения эстонским языком. В настоящее время большинство школ пытаются найти решения индивидуально. Многие директора сообщили, что они постоянно “тушат пожары” и у них нет времени планировать будущее. Темпы реализации политики и стремление перевести на новый язык обучения старшие классы, а не сосредоточиться только на младших, сотрясают всю систему образования.

Что касается более широких социальных последствий, отсутствие открытого диалога и интеграции может привести к усилению напряженности вокруг ключевых маркеров идентичности, таких как язык и национальность. Большинство учителей считают, что министерство не прислушивается к их мнению и что их опасения не имеют значения. Отсутствие открытого обсуждения реального воздействия на учителей началось еще в сентябре, когда была объявлена новая политика. Большинство учителей сказали, что узнали о новой политике из новостей, а не от министерства, и сообщили, что чувствовали себя отвергнутыми или игнорируемыми, когда высказывали опасения по поводу некоторых элементов политики.

Демократическое принятие политических решений должно учитывать заинтересованные стороны, и в настоящее время большинство считает, что эта политика не основана на педагогике образования. Среди тех, с кем я разговаривал, есть ощущение, что эстонское правительство, возможно, не в полной мере понимает или не уделяет должного внимания тому, как эта политика влияет на людей.

Проблема заключается не в самой идее этой политики и не в стремлении поощрять широкое распространение эстонского языка. Скорее, ее реализация, похоже, усиливает культурные противоречия как внутри школ, так и за их пределами. Поскольку угроза войны между Украиной и Россией сохраняется, вопросы национальной безопасности по-прежнему остаются актуальными. Если русскоязычным учащимся не будут предоставлены те же права, что и другим учащимся, не говорящим на эстонском языке, существует риск, что эта политика приведет к результату, противоположному ожидаемому. Обеспечение безопасности системы образования может иметь негативные долгосрочные последствия как для учителей, так и для учащихся.

Язык тесно связан с идентичностью и чувством принадлежности, и если молодые учащиеся начнут чувствовать себя изолированными в своих собственных сообществах, они могут подвергнуться риску изоляции или радикализации (Renström, 2020). Если некоторые учащиеся и учителя почувствуют, что их заставляют подчиняться культурным нормам, это может подтолкнуть их к полному отказу от эстонского языка и общества, что еще больше укрепит их идентичность как исключенных аутсайдеров. Эта вероятность кажется особенно высокой для русскоязычных учеников и учителей. Поскольку некоторые исключения были сделаны для франко- и германоязычных школ (Dubolazov, 2024), но не для русскоязычных, мои респонденты почувствовали, что это было нападением на русскоязычных эстонцев, многие из которых прожили в Эстонии всю свою жизнь. Усугубление такого рода разделений может подорвать будущие усилия правительства, а также поставить под угрозу социальную структуру в целом.

Политика, основанная на силе и наказании, независимо от того, является ли угроза реальной или мнимой, не основана на фундаментальном понимании демократических идеалов. Сильное демократическое правительство предоставляет пространство для выражения недовольства и поощряет обратную связь от затронутых сторон. Создание основы для демократического обмена мнениями необходимо для того, чтобы непредсказуемые изменения в политическом и социальном ландшафте не приводили к усилению разделений или конфликтов. Если министерство продемонстрирует желание выслушать и прислушаться к затронутым сторонам, это создаст понимание того, что все жители Эстонии имеют равные права человека и, следовательно, больше мотивации для позитивного участия в жизни общества. Поэтому в интересах министерства наладить коммуникацию с самими школами, чтобы способствовать изучению эстонского языка – цели, которую разделяют политики, школьные администраторы и учителя.

РЕКОМЕНДАЦИИ

В следующем разделе изложены ключевые рекомендации, собранные в ходе опроса учителей и администраторов. Задавая вопросы о положительном видении будущего и креативных решениях, выходящих за рамки отказа от текущей политики, участники определили области для улучшения политики, а также внешние усилия по языковому погружению.

1

Обновленные ресурсы для изучения эстонского языка как второго, ориентированные на потребности учащихся, а также ресурсы для родителей, чтобы помочь улучшить занятия дома.

- Даже в условиях нехватки учителей, работающие в системе учителя сталкиваются с трудностями из-за недостатка необходимых ресурсов.
- Если всем школам будут предоставлены адекватные ресурсы, это может улучшить стратификацию нестандартных школ.

2

Увеличенные усилия для совместного использования ресурсов между школами.

- Многие администраторы уже начали процесс общения с другими школами и обмена ресурсами.
- Дополнительное поощрение таких обменов могло бы улучшить отношения между исторически русскоязычными школами и исторически эстонскоязычными школами.
- Ресурсы для родителей могут улучшить поддержку, которую студенты получают вне класса.

3

Организируйте мероприятия по погружению или школьные обмены, чтобы помочь студентам взаимодействовать с носителями эстонского языка.

- Многие учащиеся живут в русскоговорящих районах и не имеют возможности учить эстонский язык, взаимодействуя с его носителями.
- Содействие культурному обмену через школьные мероприятия или дни открытых дверей могло бы помочь улучшить взаимодействие двух различных языковых сообществ.
- Финансируемые визиты в музеи или исторические места могли бы помочь в изучении языка и культуры.

4

Позвольте обучению языкам происходить в искусстве и физическом воспитании, а не в науке и истории.

- Ученики 4-х классов упускают важную информацию, поскольку уровень их владения эстонским языком недостаточен для того, чтобы они могли понять сложные математические и научные фразы.
- Множество учителей предложили сначала внедрить обучение эстонскому языку на уроках искусства и физического воспитания, позволяя ученикам изучать более сложные предметы на своем наиболее свободном языке.

5

Признайте ценность, которую дети с разнообразными идентичностями приносят в культуру Эстонии

- Когда студентов ценят за их разнообразие и воспринимают как равных членов общества, желание участвовать положительно возрастает и способствует более яркому сообществу.

ССЫЛКИ

Center for Appreciative Inquiry. (n.d.). What is Appreciative Inquiry (AI)? Center for Appreciative Inquiry. <https://centerforappreciativeinquiry.net/resources/what-is-appreciative-inquiry-ai/>

De Schutter, Helder. (2007). Language policy and political philosophy: On the emerging linguistic justice debate. *Language Problems and Language Planning*, 31(1), 1–23. doi:10.1075/lplp.31.1.02des

Dubolazov, I. (2024, March 11). Estonian education landscape offers better opportunities. ERR News. <https://news.err.ee/1609278324/ingar-dubolazov-estonian-education-landscape-offers-better-opportunities>

Estonian Ministry of Education and Research. (n.d.). “Transition to Estonian Education”. <https://www.hm.ee/en/node/234>

Eurydice. (2022, December 16). Estonia: Action plan approved for transition to Estonian-language education. European Commission. <https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/news/estonia-action-plan-approved-transition-estonian-language-education>

ERR News. “Percentage of People Who Don't Speak Estonian at All Falls to 4%.” ERR News, March 6, 2023. <https://news.err.ee/1609272690/percentage-of-people-who-don-t-speak-estonian-at-all-falls-to-4>.

Fahlberg, Anjuli, “Decolonizing Sociology Through Collaboration Co-Learning and Action: A Case for Participatory Action Research”. *Sociological Forum*, Vol. 38, No. 1, March 2023.

Finsterbusch, K. (1984). Social impact assessment as a policy science methodology. *Impact Assessment*, 3(2), 37–43.

Helemäe, J., & Saar, E. (2011). An introduction to post-socialist transition in Estonia. Towards a normal stratification order: Actual and perceived social stratification in post-socialist Estonia, 13–32.

Historic Boys' Clothing (HBC). “Estonian Schools.” Historic Boys' Clothing, last modified May 12, 2016. <https://www.histclo.com/schun/country/other/est/est-sch.html>.

Kaplan, D. S., Peck, B. M., & Kaplan, H. B. (1994). Structural relations model of self-rejection, disposition to deviance, and academic failure. *The Journal of Educational Research*, 87(3), 166–173.

Kaarlõp, H.-L., Oja, M., & Poom-Valickis, K. (2022). Teaching issues perceived to be controversial in history: Estonian teachers' epistemic cognition. *JSSE - Journal of Social Science Education*, 21(1). <https://doi.org/10.11576/jsse-4450>

Kirch, Aksel. *The Russian Minority in Estonia: A New Linguistic Reality, Changing Identities, and the European Union*. Tallinn: Institute for European Studies, 2004. <https://ies.ee/epub2003/epub2004/hels2004.pdf>.

Krull, Edgar., and Trasberg, Karmen. “Changes in Estonian general education from the collapse of the Soviet Union to EU Entry”, Department of Education, University of Tartu, 2006

Lenin Kumar, V. (2016). Democratic Transition from Soviet Union to Republic of Estonia. *Internat. J. Appl. Soc. Sci.*, 3 (3&4) : 82–86.

Liddicoat, A. (2013). *Language-in-education Policies: The Discursive Construction of Intercultural Relations*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters. <https://doi.org/10.21832/9781847699152>

Macdonald, Cathy. (2012). Understanding participatory action research: A qualitative research methodology option. *Canadian Journal of Action Research*. 13. 34–50. 10.33524/cjar.v13i2.37.

Memon, Mumtaz & T., Ramayah & Ting, Hiram & Cheah, Jun-Hwa. (2025). PURPOSIVE SAMPLING: A REVIEW AND GUIDELINES FOR QUANTITATIVE RESEARCH. *Journal of Applied Structural Equation Modeling*. 9. 1–23. 10.47263/JASEM.9(1)01

Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. (2023, August 17). Estonia: New law banning mother-tongue education for minorities may violate human rights, warn UN experts. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2023/08/estonia-new-law-banning-mother-tongue-education-minorities-may-violate-human>

Oja, M. (2020). History Education: The Case of Estonia. In I. Kestere, E.-S. Sarv & I. Stonkuvieni (Eds.), *Pedagogy and Educational Sciences in the Post-Soviet Baltic States, 1990–2004: Changes and Challenges*(pp. 143–165). Riia: University of Latvia Press

ССЫЛКИ

Renström, E. A., Bäck, H., & Knapton, H. M. (2020). Exploring a pathway to radicalization: The effects of social exclusion and rejection sensitivity. *Group Processes & Intergroup Relations*, 23(8), 1204-1229. <https://doi.org/10.1177/1368430220917215> (Original work published 2020)

Small, Mario L. Forthcoming. "Lost in Translation: How Not to Make Qualitative Research More Scientific." In Michèle Lamont and Patricia

White (editors), *Report from Workshop on Interdisciplinary Standards for Systematic Qualitative Research*. Washington, DC: National Science Foundation

Statistics Estonia. (2022, November 16). Population census. 76% of Estonia's population speak a foreign language. <https://rahvaloendus.ee/en/news/population-census-76-estonias-population-speak-foreign-language>

Statistics Estonia. "Demographic and Ethno-Cultural Characteristics of the Population." *Population and Housing Census 2021*. Accessed May 19, 2025. <https://rahvaloendus.ee/en/results/demographic-and-ethno-cultural-characteristics-of-the-population>

Taylor, M. (2022, November 16). 76% of Estonia's population speak a foreign language. *The Baltic Guide*. <https://balticguide.ee/en/76-of-estonias-population-speak-a-foreign-language/>

Whyte, William. *Participatory Action Research*, American Behavioral Science, Cornell University, 1989.